

В своем творчестве поэт все время возвращается к темам сна, ночи, Космического сознания. И это не столько романтическая школа, сколько “свойство его духовной сущности, его Космической памяти”, ибо Т. по природе своей поэзии прежде всего поэт-философ (с. 122). В его сложном “росте-развитии” важен великий германский мистик Яков Бёме. По мнению Р.Плетнева, воздействие идей Я.Бёме ощутимо в стихотворении Т. “День и Ночь”. “Декламаторски-философская и вместе лирически-напевная раздвоенность дум и чувств-прозрений у Тютчева пронизана символически значимыми образами” (с. 124). Для них важны Я.Бёме, Л.Окен и Ф.К.Баадер. Обращаясь к философии образов поэта, Р.Плетнев приходит к выводу, что у Т. нет постепенного нарастания религиозных образов, символов, что можно найти у Достоевского, Лескова, Лермонтова и др., нет “ровной линии агностицизма с долей скепсиса, как у Тургенева, и атеизма-агностицизма, как у Гаршина или Короленко. Нет и острого кризиса, подобного кризису в жизни Д.Писарева или Вл.Соловьева...Тютчев почти всегда романтик, мистико-мечтатель” (с. 124). В моменты горького разочарования, уныния Т. ищет успокоения в прелести природы. “Борьбу с культом всякой тирании” Т. видел в последовательно милосердном, “Божьем и человеческом отношении к душе, сердцу, к собрату-человеку” (с. 125). Дух поэта “просветляется под влиянием страданий”. И тогда “душа готова, как Мария, к ногам Христа навеки прильнуть”.

Т.Г.Петрова

УНСЕТ (Undset) Сигрид (1882—1949)

Прозаик и поэтесса Екатерина Бакунина в журнале “Числа” (1932. №6), заметив, что принято “давать отзыв о недавно появившихся книгах”, но еще важнее написать “о книге, которая взволновала, проникла в душу, независимо от даты ее публикации” (с. 264), представила русскому читателю норвежскую писательницу У., получившую Нобелевскую премию (1928) за исторический роман – трилогию “Кристин, дочь Лавранса” (1923–1927; рус.пер. Т. 1–2, 1935–39, Т. 3, 1962), сразу переведенную “на шведский, финский, датский, английский (включая и американское издание) и немецкий языки” (с. 265). Бакунину, автора романов о женщинах – “Тело” (1933) и “Любовь к шестерым” (1935), привлекла в творчестве У. как тема – “история женской жизни – со дня рождения и до смерти”, так и проблематика – “трагическая непримиримость полов и взаимное мучительство, возникающие в любви” (с. 264). В этой связи она сопоставляет У. с Гамсуном, однако если Гамсун, по ее

словам, “как бы скользит по поверхности туманными намеками”, У. “в описании страдания достигает библейски-страшной простоты и договоренности” (там же), а в изображении скорби, особенно женской, — “невыносимой остроты”. В трилогии У. писательницу привлекает образ сильной женщины, связанной с недостойным мужчиной. В другом крупном историческом романе У. — тетралогии “Улаф, сын Аудуна” (1925–1927), в изображении истории брака “отрицательные черты характеризуют женщину” (с. 265).

У., как замечает Е. Бакунина, находит в своей “исторической прозе” “прошлое, утерянное во времени, и заставляет читателя вживаться в существование ее героев и им сострадать”, “кто раз пошел за нею, тот уж не отстанет, шаг за шагом дойдет до конца” (с. 264). Исследовательница выявляет некоторую общность прозы У. с творчеством другой скандинавской нобелевской лауреатки, шведской писательницы Сельмы Лагерлеф, “ибо на суровом фоне северной природы ... разворачивает она картины человеческих жизней и иступленного, человеческого” страдания (там же). Как писателей-антиподов Бакунина сопоставляет У. и Джойса: в противоположность “суткам Джойса, преломленным в мозгу”, У. “дает большое генеалогическое древо и немалой долей своего успеха обязана умелому применению реалистически-психологического метода в описании исчезнувшей эпохи” (там же). Его истоки русская писательница прослеживает в биографии У.: старшая из трех дочерей норвежского археолога Ингвальда Унсега, профессора университета в Осло, У. с детства помогала отцу в его научных изысканиях, “и глубокое знание ею норвежского средневекового быта имеет корни в этом раннем и позднейшем изучении истории, археологии, древних саг и обычаев” (там же). У., на взгляд Бакуниной, не чужды мистические устремления (уже в зрелом возрасте она приняла католичество). Исследовательница находит в ее романах прославление “темной силы католической церкви в норвежском средневековье” и в этой славе видит лишь “трагедию придавленной верой личности” (с. 265).

Бакунина создает романтический образ писательницы, живущей “на берегу синего норвежского озера в Лиллехаммере” в доме, которому тысяча лет; она “носит одеяние времен викингов и окружена собранными ею великолепными старинными коллекциями и утварью”, а недалеко от ее дома — “развалины знаменитого Хаммерского собора, который она так возвеличивает в своих романах” (с. 265).

“Кристин — дочь Лавранса” была любимой книгой М. Цветаевой, имевшей для нее не только эстетическое, но еще более экзистенциальное

значение. “Сигрид Унсет – читали ли Вы ее? – писала Цветаева 17 октября 1930 из Медона А.А.Тесковой. – Замечательная книга. Норвежский эпос. Трилогия: *Der Kranz – Die Frau – Das Kreuz* [Венец – Хозяйка – Крест – нем.]. Лучшее, что написано о женской доле. Перед ней – “Анна Каренина” – эпизод. Вся вещь называется: *Kristin Laurinstochter...* После нее долго ничего не хотелось читать” (Здесь и далее цит. по изд.: Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 6. С. 388). 31 марта 1931 она писала из Медона литератору, меценатке, жене русского инженера-железнодорожника Ю.В.Ломоносова – Раисе Николаевне Ломоносовой о мечте пожить где-либо на море или в горах, в тишине – “С какой-нибудь одной книгой на все лето. Такая у меня была прошлым летом – знаете ли? – *Sigrid Undset* – три части: *Der Kranz – Die Frau – Das Kreuz*. Всего около 2000 стр. и ни одной лишней строки. Норвежский эпос – и женский эпос. Вся страна и вся судьба. Кажется за нее именно получила Нобелевскую премию. Наверное переведена на английский, я читала по-немецки, так все лето и прожила – в Норвегии” (Т. 7. С. 336). А 27 января 1932 – снова Тесковой из Медона, тоскуя во Франции: “К Вам бы я приехала домой, в мир Сигрид Унсет и ее героев, не только в их мир и в их век, но в их особую душевную страну, такую же достоверную, как Норвегия на карте... Я знаю, что я оттуда. Я там все узнаю. Я знаю, что и Вы оттуда, я и Вас там узнаю.... Мы с Вами люди одной породы, без всякого иносказания: горной. Люди гор. Суровые. Как было в России суровое полотно, суровый холст – из которого кому-то (не нам!) паруса... Читала я трилогию два года с лишним назад, жила ее... О *Kristin Laurinstochter* мечтаю третий год, сейчас эта мечта дошла до тоски. Половину бы своих книг (у меня есть очень хорошие!) за нее отдала” (Там же. Т.6. С. 400). 17 апреля 1932, получив от Тесковой вторую часть трилогии У. – “Хозяйка”, Цветаева пишет: “Для меня – огромное счастье, сбывшаяся мечта двух, если не трех лет. Смотрю – и не верю (что – моя, что не нужно отдавать). Главная же радость – Вы будете, а может быть не будете – смеяться: что почти 600 страниц, что на так долго – радости. Так книгам я радовалась только в детстве”. А 12 мая 1934 она обращается к Ю.Иваску, жившему тогда в Эстонии, с просьбой: “Вы можете меня сделать наверняка – счастливой. У меня есть страстная мечта, уже давно: а именно III том трилогии *Sigrid Undset* “*Kristin Lawranstochter*” – У меня есть I ч. и II ч... но III ч. – *Das Kreuz* нет... Но книга дорога и просьба нескромна, и, чтобы быть вполне нескромной – в переплете, ибо две другие у меня в переплете сером полотняном, с норвежским сине-красным орнаментом – душу отдать! Это,

именно эта III ч., моя любимая книга в мире. И Вы бы мне ее надписали” (Т. 7. С. 388). И 25 мая 1943 она благодарит Ю.Иваска: “Знаете, что мне первое пришло в голову, когда я ощутила в руках всю весомость “Das Kreuz”... (Даже руки, не ждавшие, ждавшие обычной хламной не-весомости “Последних Новостей”, немножко сдали, пошли вниз... Этому человеку я бы оставил все мои рукописи. — Это была моя благодар-ность — невольная, крик всего моего существа, настоящий инстинкт са-мосохранения, — непогрешимый жест — сна” (Т. 7. С. 389).

21 ноября 1934 из Ванва в письме Тесковой о своем тяжелом ду-шевном состоянии она вновь упоминает У.: “Подымаю глаза, совершен-но горящие от слез ... и сквозь слезную завесу вижу лицо Сигрид Унсет из серебряной рамки: недоумевающее, укоризненное, не узнающее (ме-ня)” (Т. 6. С. 416). И снова 15 февраля 1936: “Сейчас, случайно подняв глаза, увидела на стене, в серебряной раме, лицо Сигрид Унсет — un visage revenu de tout [лицо человека, отрешившегося от всего *фр.*] — ника-ких самообманов! И вспомнила — Kristin, как от нее постепенно ушли все дети и как ее — помните, она шла на какое-то паломничество — изру-гали чужие дети — так похожие на ее!” (Там же. С. 434). В колебаниях — ехать — не ехать в СССР, она мысленно обращается к своим любимым писательницам и 29 марта 1936 пишет Тесковой: “Все думаю, что сдела-ла бы на моем месте Сельма Лагерлёф или Сигрид Унсет, которая (кото-рые) для меня — образец женского мужества” (Там же. С. 437). Цветаева все время “проецирует” У. и ее героиню на себя, переживая свою личную драму: 26 января 1937 она пишет Тесковой: “А помните Kristin — под старость лет — когда ее ругали мальчишки, а она, улыбаясь, вспоминала своих — когда были маленькими... Точно со мной было” (Там же. С. 449). У. для Цветаевой автор одной книги — “Кристин — дочь Лавранса”. 14 июня из Ванва она пишет Тесковой, что прочла роман У. “Ида-Элизабет” (1932): “Первое разочарование: Ida. Правда — пустое, дам-ское, лжепоэтическое и не старинное, а старомодное — имя?... А дальше и разочарования не было, п.ч. я знала, что 1. второй Kristin ни ей, ни мне никому не написать, 2. читала Jenny [“Йенни”] и не полюбила. Ей (Ун-сет) дано только (!!!) прошлое, гений только на прошлое. Кто эта Ida-Elisabeth? Что в ней такого, чтобы Undset о ней писать, а нам читать — 500 стр.? Где-то она сама о себе говорит, что она Durchschnittsmensch [средний человек *нем.*] — и есть. Никакой личности, никакого очарова-ния, — только хорошее поведение. Этого — для героини — мало. И дети бесконечно лучше даны в Kristin, чем здесь. Хороша, конечно, природа, но мне — как в жизни — в ней мешает Auto и Moto: ее героиня полкниги

ездит на автомобиле... я все-таки никогда не думала, что Unset способна на скучную книгу!!!” (с. 454). За девять дней до отъезда в СССР из Гавра она написала Тесковой : “Спасибо за Lawrens-Tochter, ужоу, не расстанусь никогда” (Т. 6. С. 479).

Т.Н.Красавченко

УСПЕНСКИЙ Глеб Иванович (1843–1902)

Произведения У. изредка выпускались русскими зарубежными издательствами (в частности, в начале 1920-х пражским “Славянским издательством”). Об У. вспоминали от случая к случаю – так, в 1923 в журнале “Воля России” (№ 12) был напечатан фрагмент об У. из книги воспоминаний писателя народнических взглядов Н.С.Русанова (она готовилась к выходу в издательстве З.И.Гржебина: Русанов Н.С. Из моих воспоминаний. Кн. I. Детство и юность на родине. 1859–1882. Берлин, 1923). Впоследствии эти воспоминания появились и в СССР.

В 1926 журнал “Голос минувшего на чужой стороне” (1926. №1) под заглавием “Писатели-мученики. (Письмо Глеба Успенского о цензуре)” (подписано инициалами: Л.Б.) опубликовал его письмо к А.М.Евреиновой от 15 марта 1888.

В связи с 25-летием со дня смерти У. “Руль” (1927. 27 апр.) и “Последние Новости” (1927. 28 апр.) перепечатали (“Руль” без упоминания об этом) из советской прессы воспоминания об У. жившего в Москве литератора и публициста С.Я.Елпатьевского. В 1929 Р.Словцов (псевдоним Н.В.Калишевича) опубликовал в “Последних Новостях” (1929. 4 апр.) эссе “Глеб Успенский в Париже”, в основу которого легло изложение главы из книги В.Чешихина-Ветринского “Глеб Иванович Успенский: Биографический очерк”. (М., 1929).

Своеобразие проблематики творчества У., связь с ключевым для российской истории вопросом – аграрным, его понимание психологии и жизненных ценностей русского крестьянства, его практические подходы к интеллектуальным построениям не вписывались в общественно-политические, экономические, историософские и т.п. концепции многих эмигрантов. В этом смысле показательным издание в Париже (1930) “Очерков по истории русской культуры” П.Н.Милокова, впервые появившихся в 1896–1903. Автор постоянно дорабатывал свой труд, но в содержании им оставлен раздел “Развенчание народа у Успенского”. Называя У., наряду с Салтыковым, “крупным талантом” 1860-х и 1870-х, “незаслуженно забытым”, из-за своей связи с современностью, Милоков подчеркивает, что У. – “большой и настоящий художник, но он